

АНТРОПОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОБИЛЬНЫХ СИСТЕМ*

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-4541-5854,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.2020, принята к публикации 11.11.2020

Для цитирования: Моисеенко Я.Ю. Антропология постмодерна: взгляд через призму мобильных систем // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 151–167. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10410

Аннотация

Цель статьи заключается в рассмотрении антропологических перспектив новой парадигмы, готовой прийти на смену парадигме Модерна, изучение их особенностей и отличительных черт. Достижение данной цели предполагает решение исследовательских задач, таких как анализ предпосылок становления постмодернистской антропологии с нескольких методологических ракурсов; выработка моделей новых проектов антропологии с опорой на теоретический базис парадигмального анализа, исследования «мобильных систем»; изучение суперпозиции предложенных моделей, их взаимодействия и комбинации.

Методология исследования выдержана в соответствии со сложностью и комплексностью исследуемого объекта, поэтому была выбрана двухуровневая методологическая модель. Антропологическая проблематика постмодерна, в первую очередь, была рассмотрена с позиций парадигмального анализа, а уже затем полученный

* Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента РФ: проект «МК-2621.2019.6».

© Моисеенко Я.Ю., 2020

в ходе данного рассмотрения результат был изучен дополнительно через оптику феномена «мобильных систем», для чего были привлечены наработки научной школы «мобильной социологии».

Среди полученных *результатов исследования* необходимо обозначить следующие: 1) выявлено, что предпосылки антропологического кризиса были заложены ещё на стадии экстенсивного развития Модерна, а не только связаны с постепенной эрозией его онтологических оснований; 2) сформулирован антропологический проект постмодерна *homo dividualis*, обрисованы в общих чертах его атрибуты; 3) предложена нестандартная трактовка концепта *homo mobilis*, где тот предстаёт в качестве ещё одного антропологического проекта будущего, а не в качестве собирательного образа «человека, находящегося в движении», как принято его интерпретировать в традиционном социально-философском дискурсе..

Ключевые слова:

Антропология постмодерна, «мобильные системы», мобильность, *homo dividualis*, *homo mobilis*, биомеханоиды, «антропологический исход».

UDC 1.87.5

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10410

ANTHROPOLOGY OF POSTMODERNITY: A VIEW THROUGH THE PRISM OF MOBILITY SYSTEMS

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-4541-5854,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Article received on October 09, 2020, accepted on November 11, 2020

To cite this article: Moiseenko, Ya.Yu. (2020). Antropologiya postmoderna: vzglyad cherez prizmu mobil'nykh sistem [Anthropology of postmodernity: a view through the prism of mobility systems]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 151-167. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10410

Abstract

The aim of the article is to examine the anthropological challenges of a new paradigm, ready to replace the paradigm of Modernity, and to study its distinctive features.

Achieving this aim involves the solution of several research *tasks*, such as the analysis of how postmodern anthropology agenda has been formed from several methodological perspectives; the development of the anthropology models based on the theoretical basis of paradigmatic analysis; the research of “mobility systems”, the superposition of the models proposed, their interactions and combinations.

The methodology of the research should be consistent with the complexity of the object under study, therefore a two-level methodological model has been chosen. First of all, anthropological issues of postmodernity has been considered through the lenses of paradigmatic analysis, and after that the results obtained were additionally studied through the prism of the phenomenon of “mobility systems”, for which the developments of the scientific school of “mobile sociology” have been involved.

Among *the results of the research*, it is necessary to designate the following. Firstly, the prerequisites for the anthropological crisis have been revealed at the stage of extensive Modernity development, so to associate them nothing but with the gradual erosion of Modernity ontological foundations turned out to be a wrong path. Secondly, an anthropological project of the postmodern concept of *homo dividualis* has been formulated, with its attributes being outlined. Thirdly, an interpretation of the *homo mobilis* concept has been proposed, which appears to become another anthropological project of the future, but not an image of “a person on the move”, as it tends to be interpreted in the traditional socio-philosophical discourse.

Keywords:

Postmodern anthropology, mobility systems, mobility, anthropological project, homo dividualis, homo mobilis, anthropological exodus.

Введение

Современный философский дискурс изобилует нарративами, в качестве «общего знаменателя» которых можно выделить глубоко пессимистическую констатацию вступления человечества в «зону турбулентности», где многие основополагающие категории его бытия подвергаются сомнению, а ориентиры дальнейшего развития становятся размытыми в нерешённых противоречиях дня сегодняшнего. Неизбежность этого цивилизационного кризиса философ-постструктуралист Лиотар связывал с постепенной эрозией онтологических оснований, господствующей последние столетия парадигмы Модерна, причины которой были заложены в её собственной матрице (Лиотар, 1998). А именно, анализ Лиотара выявил, что развёртывание ценностных оснований этой парадигмы на практике можно назвать своего рода предательством того освободительного пафоса, что был свойствен её истокам – в первую очередь философии Просвещения. Движущей силой этой эрозии стал *метанарратив* Модерна, под которым Ф. Лиотар понимал беспрестанное воспроизводство одних и тех же максим, на которых зиждется парадигма. Их ряд слишком велик, так что в качестве примеров можно привести основные реперные точки современности – рациональность, наука, прогресс, свобода, равенство, права человека. Предательство было в том, что все эти множества должны были прийти на смену

тем, на которых зиждились античное и средневековое общества, но на деле они оказались не более чем перифразами своих предшественников, продолжили служить в угоду до-современного общества и сохранили свой репрессивный характер (Лиотар, 1998, с. 10–15).

Так и условный среднестатистический *человек* Модерна остался тем же деспотом и тираном, каким виделись мифологические божества древнего мира, только своё господство над окружающим миром он строил, опираясь на штыки уже научной рациональности. Его вера в блаженный «золотой век» сменила вектор направленности – она обращена не в прошлое, а в будущее, сменившись верой в научно-технический прогресс; свобода и равенство весьма условны в тисках классовой иерархии, и освобождают лишь тех, кто имеет экономические ресурсы для господства над прочими «равными». Таким образом, вслед за необходимостью радикального пересмотра *метанарратива* Модерна, многие западные философы второй половины XX в. неизбежно задумались о том, что может представлять собой новый *человек* наступающей за Модерном эпохи, которая будет полностью очищена от «тоталитарных предрассудков», свойственных старой онтологии (Адорно, 1996).

В настоящей статье предполагается не просто провести обозрение основных перспектив транзита антропологии Модерна в новую парадигму, но и задать определённый ракурс рассмотрения: через призму феномена «мобильности», поскольку именно он позволяет систематизировать их на новом уровне, дабы впредь иметь систематическую карту для исследований в данной области.

Актуальность исследования

Всеобъемлющий кризис Модерна, со ссылки на констатацию которого мы начали статью, мог бы остаться уделом размышления лишь кабинетных философов, если бы демонтаж аксиологических, онтологических и прочих его оснований не затрагивал разнообразные сферы жизнедеятельности человека. Примечательно, что многие максимы ещё некоторое время назад рефлексировались как в философии, так и в общественном сознании как *taken for granted*, то есть в качестве «само-собой-разумеющихся», но сейчас и они стали предметом сомнения.

К примеру, всё более широкими массами овладевает разочарование в социально-политической модели организации общества по «европейскому образцу», вне зависимости от того, ориентировались ли они прежде на более либеральные парламентские демократии или уповали на консервативные президентские республики формата *nation state* (государство-нация). И тот, и другой формат симптоматично продемонстрировали свою несостоятельность перед лицом «мобильного поворота» (*mobility turn*) (Urqu, 2000, 2012) с его возрастающими по экспоненте скоростями, о чём речь пойдёт далее. Всё, что они смогли сделать в ответ на его вызовы, это предложить обществу популистскую политику всеобщей толерантности и мультикультурализма в качестве панацеи от большинства открывающихся за этим «поворотом» проблем: миграционных, этнических, религиозных, и пр.

Система международных отношений также даёт фундаментальные сбои, поскольку на руинах прежнего миропорядка, который по факту сворачива-

ния Ялтинско-Потсдамского прецедента представляет собой т. н. «Вестфаль», не был заложен новый, полноценный мировой порядок. Разумеется, здесь идёт речь о таком порядке, который был бы качественно отличен от предыдущего, то есть которому не была бы свойственна идеологизированность всех сфер общественной жизни и который не пестовал бы «гонку вооружений» как одну из основополагающих стратегий самосохранения. Однако «свято место пусто не бывает», и на смену напряжённому противоборству двух сверхдержав XX в., насыщенному противостоянием стоящих за ними идеологий – либерализма и коммунизма – пришла американская гегемония, воспроизводящая политику «управляемого хаоса» с его неизменными атрибутами в виде разворачивания по всей планете «цветных революций» и локальных военных конфликтов. Что до «идеологического вакуума» после поражения коммунизма, обещанного самым видным неоллиберальным мыслителем 90-ых (Фукуяма, 2007, 2008), то на деле он обернулся диктатом идеологии «победителя» на фоне общемировой истерии, питаемой бесчисленными экономическими кризисами, повсеместной террористической и эпидемиологической опасностью, а также всевозможными политическими манипуляциями вокруг «прав человека».

Возвращаясь здесь к проблеме *метанарратива* Модерна, выявленной постструктуралистами, следует подытожить, что все перечисленные нами выше кризисы вытекают из того, что классовые общества Нового времени не далеко ушли от средневековых сословий, поскольку столь же репрессивны и иерархичны, только в доминировании одного класса над другим имеется уже экономическая, а не родовая подоплёка (Волков, 2015, с. 9). Религиозный пыл Средневековья трансформировался в новые «крестовые походы» против «не-демократий», осуществляемых во имя толерантности и прав человека, а освобождение человека от формирующих его «индивидуальность» коллективных форм идентичности не было доведено до логического конца, поскольку на смену кастовым, сословным или религиозным иерархиям пришли на смену другие, осуществляющие господство в иных, быть может, завуалированных формах (Дугин, 2006).

Бесспорно, все эти кризисные тенденции можно рассмотреть в формате тех специальных дисциплин, объектами внимания которых являются мировая политика, экономика, социальная сфера. Однако же по отдельности ни один подобный анализ не способен дать той полноты картины происходящего, при должном балансе умозрительных обобщений и фактической конкретизации, что способен предложить политико-философский взгляд на проблему. Более того, выбор именно философского взгляда на проблематику обусловлен ещё и выдвигаемой в рамках настоящего исследования гипотезой. А именно, тезиса о том, что подавляющее большинство злободневных проблем современности являются «частными случаями» одного куда более масштабного и глубокого кризиса, и он имеет как раз *антропологическую* природу.

Методологические горизонты

Название статьи «Антропология постмодерна: взгляд через призму мобильных систем» подводит к разговору о методологии предполагаемого исследования. В первую очередь собственно словосочетание «антропология постмодерна» является импликацией обращения к *парадигмальному анали-*

зу, согласно которому любые аспекты и формы жизнедеятельности человека, имеющие достаточные основания для философского осмысления, должны быть *a priori* помещены в контекст той или иной философской парадигмы, без чего полноценная интерпретация того или иного феномена попросту будет некорректна. Таким образом, в настоящем исследовании будет предпринята попытка описания «антропологического слома» и следующего из него кризиса гуманизма в терминах конфликта двух парадигм – модерна и постмодерна, что неизбежно возникает в транзитных фазах при переходе от одной парадигмы к другой, или в случае частичного наложения их онтологических оснований.

Что касается второй половины заголовка – «через призму мобильных систем», то здесь следует сказать, что сам факт обращения к концепту «мобильность» обуславливает неизбежность последующей интерпретации заявленного «антропологического кризиса» в русле исследований школы «мобильной социологии» (Kaufmann, 2002). Один из ключевых её авторов, английский социолог-постмодернист Дж. Урри, в ряде своих основополагающих работ занимался осмыслением такого феномена, как мобильность в качестве исторически обусловленного триггера большинства социальных изменений. Проследивая историю влияния фактора мобильности на социальные трансформации, которые претерпевали западные общества в Новое время, Урри отметил, что есть основания связать их интенсивность со скоростью развёртывания различных мобильностей, которая в начале XXI в. вышла на новый, беспрецедентный для себя виток (Urry, 2000). Преимуществом же его «мобильной» концепции над другими является принципиальная позиция Урри, требующая рассматривать «мобильности» не как совокупность самостоятельных единиц, а в рамках некой общей «мобильной системы», в силу чего и выбор в плане методологии данного исследования был сделан в её пользу (Sheller, Urry, 2006).

Под «мобильной системой» английский социолог понимает «комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определённый вид перемещения акторов возможным» (Урри, 2012, с. 24). В чём, собственно, преимущество этого подхода над другими исследованиями, имеющими дело с «мобильной» проблематикой? Не имело бы смысла заострять на этом вопросе отдельного внимания, если бы, к сожалению, большинство научных дискуссий в этой исследовательской области не сводилось к спорам о том, что именно за феномены попадают в центр внимания исследований «мобильности». Расклад таков, что в научном сообществе по-прежнему «ломаются копыя» из-за того, следует ли ограничить понимание мобильности совокупностью перемещений в пространстве, сведя её исследование чуть ли не до статистических выкладок, или, напротив, рассматривать мобильность как важный фактор структурной социологии, влияющий на флуктуации статусов её агентов. Помимо данного спора о природе феномена «мобильности» как таковом, существует ещё целый ряд не самых продуктивных дискурсов, призывающих нас «раз и навсегда» категоризировать т. н. «словарь» мобильных исследований путём наименования субъектов мобильных процессов (т. е. «тех, кто совершает движение»), их объектов, под которыми часто подразумеваются не только банальные транспортные средства или дорожная инфраструктура, но и куда менее привычные для обыденного восприятия предметы окружающей человека среды.

Безусловно, определение понятийного аппарата является краеугольным камнем любого исследования, претендующего на статус научного. Однако в случае с упомянутыми «мобильными системами» некая двусмысленность используемой терминологии, кажущаяся даже на первый взгляд нарочитой, искупается возможностями, что предлагает её уникальный методологический арсенал. Речь, в первую очередь, идёт о его междисциплинарном потенциале, благодаря которому становится возможным рассмотреть под нестандартным ракурсом антропологические аспекты постмодернистской парадигмы. Дело в том, что многолетние наработки школы «мобильной социологии» полностью снимают пресловутое субъект-объектное противоречие, в которое упираются мобильные концепции несистемного толка, благодаря тому что, во-первых, меняют масштаб исследования, перенося фокус внимания с отдельных единиц мобильности на их совокупность, комбинированную в устойчивую систему. Во-вторых, зачастую, в качестве точек отсчёта исследования выбираются такие нестандартные феномены, где субъект и объект как бы сплетены уже на «матричном уровне» (речь идёт о таких типичных феноменах современной американской антропологии, как *truck-driver* (машина-водитель) и *citizen-gun* (гражданин-пистолетом) (Урри, 2012, с. 239–240).

Подводя итоги нашего краткого методологического обзора, необходимо отметить, что исследование социальных трансформаций самого широкого профиля через призму «мобильных систем» не беспрецедентно с точки зрения гуманитарных наук. Собственно вокруг пула этих исследований и строится сама школа «мобильной социологии». Однако если заострить внимание на том, какую роль «мобильный поворот» объективно сыграл (и продолжает играть) в переходе от модерна к постмодерну как явление по своей сути *антропологическое*, станет возможным обрисовать те перспективы трансформаций, которые будет претерпевать современный человек на пути к *постчеловеку* (Дугин, 2009).

Модель-1: *homo dividialis*

Напомним, что с точки зрения антропологического прочтения Модерна результат инсталляции его программы заключался в формировании автономного индивида, который в свою очередь стал продуктом двухфазного процесса преобразования до-современного человека, представителя т.н. традиционного общества. Смысл данного преобразования сводился к тому, чтобы разобрать традиционное представление о человеке, как о сложной структуре, в которой тот предстаёт в качестве некой «маски» (*персоны*), скрывающей за собой сложный онтологический континуум земной и посмертной жизни, на составные части и затем собрать его заново в новой конфигурации как своего рода конструктор. Разумеется, научная рациональность Нового времени была способна задумать конструктор лишь с однозначной инструкцией сборки: согласно ей ряд элементов необходимо было изъять бесповоротно (например, бытие-после-смерти), а другие элементы перегруппировать относительно изначального варианта. В результате, такого «заново собранного» человека Модерна (*homo individualis*) можно представить в виде условного *атома*, состоящего из *ядра* и неких *оболочек*, которые множественными слоями это ядро окутывают.

Собственно под *ядром* в антропологии Модерна подразумевалась как раз та искомая *individualis* – инстанция само-тождества, в которой каждый человек равен взятой по модулю «1», другими словами, равен самому себе, тогда как под множественными слоями *оболочек* подразумевались разные коллективные идентичности, по которым первоочерёдно определялся статус человека во всех традиционных обществах (то могла быть принадлежность к роду, касте, сословию, той или иной конфессии и т. п.). Поскольку высшую ценность антропологических изысканий Нового времени представляло собой обнажение *ядра*, для чего и был, собственно, замыслен беспрецедентный эксперимент с созданием конструктора человека, то *первый этап* его разборки заключался в снятии череды верхних *оболочек*, что в наибольшей степени довели над содержанием *ядра*, коему было отказано в какой бы то ни было самостоятельной ценности.

Таким образом, *homo individualis* был последовательно освобождён от всевозможных кастовых, сословных, религиозных инстанций идентичности, выступавших в до-современных обществах в качества общего знаменателя, под который сводились все частные особенности той или иной личности из условного *числителя*. Все эти моменты из определяющих, или правильнее сказать детерминирующих содержание *ядра* факторов, стали один за другим опциональными, объектами выбора *homo individualis*. Право совершить этот выбор фундаментализировалось принципом отождествления всего бытия с *bon raison*, из чего, собственно, черпалось и доказательство этого бытия (*cogito ergo sum*), а на практике проистекало из мнимой свободы действий, которую предлагало уравнивание всех индивидуумов посредством «общественного контракта» с чудовищем-Левиафаном – государством Нового времени, а также переходом от феодальных отношений к капиталистической экономике (Olsthoorn, 2020).

Это достижение можно со всей ответственностью назвать результатом *первой фазы* преобразования до-современного человека в современного. Что касается *второй фазы* трансформации, то её можно считать углублением и конкретизацией тех философских установок, что реализовывались в рамках первой фазы, но она развёртывалась в формате внутренней парадигмальной борьбы между различными антропологическими проектами. С точки зрения прагматичности анализа можно свести это противостояние к соперничеству основных политических идеологий Модерна, каждая из которой имела своё видение *homo individualis*, вопреки тому, что *на первой фазе*, которая была посвящена демонтажу «оболочек» из коллективных идентичностей человека, они действовали согласованно.

Неудивительно, что победа в этой конкурентной борьбе идеологий за видение «человека» осталась за *либеральным* антропологическим проектом. Произошло это, во-первых, потому, что стоящая за ним идеология оказалась единственно «легальной» к концу XX в. для «просвещённого» мирового сообщества, распространив своё влияние практически в мировом масштабе. Что касается *фашистского* проекта, он был заслуженно изгнан из правового поля по итогам Второй мировой войны, следом за режимами, что отвечали за его практическую реализацию, и его удел так и остался быть предметом поклонения маргинальных и, по большей части, существующих подпольно культов. *Марксистский* проект обладал невероятным потенциалом, но в силу поражения коммунизма в сфере экономики и политики, что ознаменовалось

распадом СССР, его сложносочиненная антропология так и осталась по сути нереализованной (Кондрашов, 2019). Вторая причина, почему квинтэссенцией Нового времени стал именно *либеральный* проект, заключалась в том, что он в наибольшей степени отвечал целям и задачам, что были заложены в матрицу парадигмы Модерна. Последний тезис может найти подтверждение в его политической программе, которая в общем и целом исчерпывается принципами рыночной экономики, безотносительно того, о каком конкретно измерении идёт речь: онтологическом, политическом, этическом и т. д.

Однако именно в торжестве «автономного человека», что наступило в тот момент, когда у либерализма, казалось бы, не осталось больше легальных конкурентов в споре за антропологические горизонты будущего, заключается главный казус трансформации до-современного человека в современного. В первую очередь бывшая насыщенность содержания либерализма, очевидная в ходе противостояния с другими идеологиями, обернулась интеллектуальным вакуумом, в котором все базовые концепты этой идеологии демонстрируют свою несостоятельность (Дугин, 2009). Затем политическая практика XX в., отрефлектированная в философии постструктуралистов, показала, что *метанарратив* Модерна, в частности, в аспектах той самой либеральной инструкции по сборке *homo individualis*, оказался не тем, за кого он себя изначально выдавал, поскольку вместо обнажения искомого ядра свёлся к подмене оболочек, которые предлагали новые формы коллективных идентичностей вместо старых (Лиотар, 1998).

Таким образом, в авангардистском интеллектуальном дискурсе Европы вызрела необходимость объявить ещё одну, *третью фазу* трансформации, которая смогла бы завершить очищение ядра от сковывающих его «цепей» идентичностей. Дабы не допустить более просчётов *первой* и *второй* фазы, в главный фокус внимания попал собственно концепт *homo individualis*, так как был поставлен под сомнение вопрос, является ли он на самом деле образчиком того желанного «минимального гуманизма», о достижении которого шла речь в теории (Аттали, 1993). В итоге, вывод о том, что неудачи антропологического проекта Модерна были запрограммированы с самого начала, вылился в своего рода «вотум недоверия», объявленный ему постструктуралистами, что и привело в свою очередь к тому, что стало принято называть «антропологией постмодерна».

Краеугольным камнем новейшей антропологической концепции стал *homo dividialis* или «постчеловек», если пользоваться морфемной аналогией с «постмодерном» (Дугин, 2009). Из имени данного концепта можно сделать вывод, что он является некоторой ревизией своего предшественника *homo individualis*, но здесь пересмотру подверглась не только конфигурация ядра и оболочек вокруг него, но и само ядро – тот самый искомый объект, который прежде считался *неделимым*, и на обнажение которого были направлены усилия борьбы с традиционным представлением о человеке. Дело в том, что критика *метанарратива* Модерна, не со стороны традиционалистов и консерваторов, а со стороны более прогрессивной, нежели сам Модерн, парадигмы, настаивает на том, что тот *homo individualis*, который признавался в Модерне *ядром*, на самом деле не был *individualis*, а представлял собой *ядро*, обёрнутое рядом оболочек, от которых следует продолжать избавляться.

По этой причине гендерная проблематика, т. е. социологическая и, что более важно, политическая импликация индивидуальных половых различий

совсем не случайно стала такой актуальной повесткой для «просвещённой» общественности Запада. Основные этапы становления социологии пола в Новое время подробно изложены в книге М. Фуко «История сексуальности», которая даёт возможность на большом иллюстративном материале отследить изменения в гендерной диспропорции Модерна, где жёсткому подавлению абсолютно всех попыток представить женскую идентичность в публичном пространстве пришлось на смену движение суфражизма, но развивалось оно всё по тому же жёсткому, сугубо «маскулинному» сценарию, т. е. шла борьба женщин за право «быть мужчиной» (Фуко, 2004). Тем не менее, такая ригоричность нововременной социологии пола проистекала хотя бы из того, что в Модерне гендерная идентичность однозначно причислена к ядру *homo individualis*, её не было в числе оболочек, которые необходимо нивелировать, превратив в опциональный выбор. Постмодернистская же критика планирует довести демонтаж коллективных идентичностей до настоящего предела, углубившись в ту сферу, которая в Модерне считалась территорией ядра. Таким образом, гендер, т. е. социологический пол, становится пересечённым рубиконом на пути к освобождению индивида от навязываемых ему обществом догматов. (Харауэй, 2017)

Дабы осуществить эту операцию по получению *homo dividualis* хотя бы в философской практике, необходимо пойти дальше предложенной адептами Модерна максимы о человеке равном «1» по модулю, модели самого себя, и отправиться в дробные значения. Рассмотрим такого «минимального», но уже по-настоящему неделимого, человека – равного, предположим, «0,6 от *homo individualis*», невозможно без специальной оптики, для обретения которой нам необходимо обратиться к методологическому арсеналу «мобильных систем», о чём было заявлено ранее, поскольку вовлечение человека во всевозможные мобильные процессы наиболее репрезентативно являет сущностные черты постмодернистского антропологического проекта. С помощью «мобильных систем» и феномена «мобильности» в широком смысле мы сможем, наконец, представить несколько возможных версий «расчленения» *homo individualis* на отдельные фрагменты, каждый из которых постепенно выходит на авансцену философской рефлексии.

Модель-2: *homo mobilis*

Прежде чем приступить к рассмотрению антропологического проекта постмодерна через призму «мобильных систем», следует дать характеристику феномена мобильности, вокруг которого они выстраиваются – в достаточно общих чертах, поскольку подробному его анализу были посвящены другие работы, в том числе авторские (Моисеенко, 2019, 2016). Этот феномен был концептуализирован в предметном поле социологической науки усилиями целой научной школы («мобильной социологии»), а если говорить об отдельных учёных, внесших вклад в пул «мобильных» исследований, можно назвать социологов Дж. Урри, З. Баумана (Бауман, 2008; Урри, 2012), историка Т. Крэссуэла (Cresswell, 2011). Однако следует заметить, что ареал распространения концепта «мобильности» не ограничивается социологией, поскольку разные аспекты его бытия становятся объектами внимания и смежных гуманитарных дисциплин, в диапазоне от науки техники до философии истории. Влияние, которое концепт «мобильности»

оказывает на философский дискурс в данный момент, закономерно, поскольку оно детерминировано причинами вполне объективного характера.

Позицию феномена «мобильности» и «мобильных систем» как особого методологического подхода к концептуализации мобильности подкрепляет логика развёртывания одного из доминирующих нарративов Модерна. Речь идёт о целом комплексе концепций и сюжетов, что выстраиваются вокруг идеи о нескольких «промышленных революциях», сменяющих друг друга на векторе научно-технического прогресса (Schwab, 2017). Если две первых «революции», что относились по времени ещё к периоду Модерна в его активной фазе развёртывания и были инициированы строительством железных дорог и изобретением парового двигателя в ходе первой из них, электрификацией и внедрением конвейера в производство в ходе второй, очевидно привели к интенсификации разных «мобильных» процессов в западном обществе, но не имели таких уж явных антропологических последствий, которые тем не менее могут быть приписаны и им ретроспективно, то третья и четвёртая «революции», заключавшиеся в компьютеризации многих процессов в жизни общества, в глобальном развитии сети Интернет, протекали уже на фоне постепенного выхолащивания либеральной версии Модерна, оказывая непосредственное влияние на формирование новой, постмодернистской антропологической повестки (Schwab, 2017).

Как указывает один из главных теоретиков «четвертой промышленной революции» Клаус Шваб, «эта революция касается уже не только машин, она в не меньшей степени затрагивает области и физиологии, и биологии» (Schwab, 2017, p. 27). Воспользовавшись данной посылкой основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума в Давосе, попробуем сформулировать основные, наиболее актуальные ипостаси *homo dividualis*, что, тем не менее, едва ли получилось бы сделать, если бы они не были интегрированы в плоть «мобильных» процессов современности. Напомним, что методологический потенциал использования т.н. «мобильных систем» в качестве оптики для рассмотрения антропологической повестки постмодерна ставит нас в более выигрышную позицию, нежели та, где бы оказался исследователь, если бы по инерции продолжил рассматривать эту повестку с помощью того же самого методологического инструментария, что привлекался в аналогичной ситуации, когда речь шла об исследовании антропологии Модерна. Основным аргументом является «субъект-объектная» ориентация «мобильных систем», заложенная на матричном уровне. Вследствие этого частью таких «систем» могут становятся особые феномены, которые ранее попросту ускользали из фокуса исследовательского внимания по причине невозможности строго идентифицировать в них «субъект» и «объект», разграничить их, что просто необходимо сделать в логике научной рациональности Модерна (Урри, 2012).

Поскольку одной из принципиальных стратегий постмодерна является развенчание, даже «демонтаж» онтологических оснований предшествующей парадигмы, то стирание границы между субъектом и объектом находится в магистральном русле этой логики. *Homo individualis*, тот самый рационально мыслящий субъект Модерна, на пике развития этой парадигмы существовал в локальном и изотропном пространстве, линейном, необратимом времени, взаимодействовал в нём с различными объектами, которые, тем не менее, воспринимались как нечто реально существующее независимо от него, и уж точно

отдельно от него. *Homo dividuialis* – те условные «0,6», что остались от субъекта в постмодернистской парадигме, где пространство переходит во время и наоборот, а объективная «реальность» в «виртуальность» – настолько мобилен, что не может проводить какие-то границы, ведь пропорция в нём «субъекта-времени-пространства-объекта» меняется в зависимости от того, в какой из «мобильных систем» он находится в конфигурации данного момента времени и данной точки пространства.

Одной из таких ипостасей можно назвать *homo mobilis*, антропология которого приобретает причудливую форму «мобильной системы», в которой фрагменты человеческого (те самые условные «0,6» от «1») интегрированы с фрагментами *hardware*, *software*, областью «диджитал» в целом. Здесь важно понимать, что антропологический проект *homo mobilis* подразумевает отнюдь не только трансгуманистическую перспективу сращивания человеческого тела с разного рода полупроводниковыми системами, нацеленными на усиление его физиологических возможностей или компенсацию таких же недостатков. Всё это имеет огромное значение, особенно в контексте постмодернистского метанарратива перехода от *homo individualis* к *homo dividuialis*, поскольку то самое человеческое в нас – это тоже коллективная идентичность, и видится авангардными постструктуралистами не более чем «оболочкой», которую также необходимо сбросить следом за «гендерными цепями» (Харауэй, 2017), добравшись, наконец, до настоящего, подлинного ядра – т. е. генома человека, превратив уже причастность к «человеческому роду», «роду химер» или «роду киборгов» в опциональный выбор (Дугин, 2009).

Однако *homo mobilis* имеет значение не только некоей промежуточной инстанции на пути от индивидуума к «дивидууму». Будучи примером такого «минимального» подхода к гуманизму, где субъектность есть лишь одна из частей сложной суперпозиции структур (временных, пространственных, где «реальности» отказано в собственной онтологии, она лишь гносеологична), он предстаёт перед нами в качестве комбинации отрывочных компонентов, не будучи при этом их последовательной совокупностью. Таким образом, *homo mobilis* во многом подобен *ризоматической структуре* (*rhizoma* – клубень, корневище) – известному постмодернистскому концепту авторства Ж. Делёза и Ф. Гваттари – у которой, как известно, «не может быть ни начала, ни конца, а есть только вечная середина, из которой она растёт и переливается через край» (Делёз, Гваттари, 2010, с. 37). *Ризому* просто невозможно зафиксировать в её целостности, чтобы вынести однозначное и аргументированное суждение о ней, она фрагментарна, локальна и непредсказуема в каждый момент развёртывания её «вечного настоящего», т. н. *телесного хроноса*, описывающего казус перехода времени в пространство (Дугин, 2009, с. 470–478).

Точно так же онтологически неуловим и проект *homo mobilis*, пусть он и удерживает ещё какую-то связь с декартовским *cogito*, во всяком случае с его фрагментами, но сделать из этого вывод о его *ergo sum* уже невозможно, так как *homo mobilis* демонстрирует свою идентичность в случайной комбинации посещённых сайтов из истории браузера *Google Chrome*, постов, оставленных в социальной сети *Twitter*, фотографий, выложенных в *Instagram*, пропорции лайков и дизлайков в социальных сетях. Зачастую случайную выборку этого контента следует «умножать» на число IP-адресов, с которых совершались

его выходы в сеть Интернет, или на количество аккаунтов, которые ведутся им одновременно. В некоторых случаях, наоборот, идентичность *homo mobilis* нужно «разделить» на количество подручных *homo individualis*, наполняющих разнообразным контентом аккаунт одной такой «публичной химеры». Дело в том, что вся эта хитрая комбинация цифровых данных уже не в полной мере соотносится с конкретным *homo individualis* (или их группой), которые якобы «стоят» за подобного рода сетевыми активностями, если вдруг предпринять попытку объяснить происходящее в терминах сдающей позиции парадигмы Модерна. Индивидуальности распадаются на множество «дивидуальностей», которые каждый раз собираются заново в новые *digital bodies*, сохраняя связь со своими прародителями разве что на минимальном уровне, т.е. на уровне генома. Потому проект *homo mobilis* представляет собой совершенно новую антропологию, к исследованию которой необходимо подходить уже с революционным методологическим аппаратом, примером чего может стать как раз рассмотрение человека как составляющей «мобильных систем».

Любопытно, что эта парадоксальная антропологическая множественность, из которой сочленяется новый конструктор человека в постмодерне, имеет серьёзную социально-политическую импликацию, по крайней мере на уровне теоретической рефлексии. Речь идёт, прежде всего, о работах знаменитых теоретиков «Дивного нового мира» М. Хардта и А. Негри, которые дополнили тезаурус постмодернистского дискурса своими нестандартными концептами *Империя* и *множество* (Негри, Хардт, 2004, 2006). Важно заметить, что оба концепта имеют антропологическую природу, тем самым подчёркивая первостепенность именно этого раздела для становления постмодернистской повестки в целом, несмотря на то, что сам по себе термин «империя» давно имеет ряд вполне определённых смысловых коннотаций внутри предшествующих парадигм. *Империя* Хардта и Негри может показаться весьма загадочным явлением, поскольку она мыслится уже не как некая колониальная супер-территориальная держава, но представляет собой тот самый *метанарратив* предшествующих парадигм, имеющий при этом политическое измерение. На практике оно выражается в монополии на ядерное оружие, контроле за мировыми СМИ и печати денег, то есть имеет преимущественно регулирующие функции (Негри, Хардт, 2004, с. 319–323). Однако следует помнить, что *Империя* не сводится к глобальной политической диктатуре, которая будто является надстройкой над современным обществом. *Империя* – это вообще не инстанция, это самовоспроизводящаяся структура, тотальная в своих претензиях на имманентизацию мира, жёсткая, вездесущая, навязывающая свой порядок на всех уровнях бытия современного человека.

Примечательно, что первым таким уровнем, на котором Негри и Хардт призывают человечество «дать отпор» насильственному порядку *Империи* является не политический уровень, не экономический и даже не социальный, но уровень *человеческого тела*, получивший название «антропологического исхода» (*anthropological exodus*) (Негри, Хардт, 2006, с. 4–6). Будучи частью глобальной мобильной системы, «исход» подразумевает не только очередное «великое переселение народов», в ходе которого жертвы политики *Империи* приходят в броуновское движение, преодолевая территориальные, расовые и гендерные границы, установленные *Имперской* властью, тем самым подрывая

основы её бытия в своего рода партизанской войне. *Anthropological exodus* – это всегда процесс формирования новой «субъектности», фрагменты которой связаны с *hardware* (электронные и механические составляющие компьютеров и сетей, серверов, облачных хранилищ больших данных), *software* (программное обеспечение, интерфейс «человек-компьютер», искусственный интеллект), «присутствием» в виртуальной реальности «двойника», способного на активные, мобильные революционные действия против Империи (фигура «интернет-хакера») (Хардт, Негри, 2004, 2006).

«Антропологический исход» вовлекает в мобильные процессы само физическое тело, поскольку дать отпор маниакальной политике *Империи* имманентизации мира через его подчинение можно и на буквально телесном уровне, через множественные «мутации телесности», начиная от татуировок, пирсинга и причёсок в стиле *punk*, и заканчивая сращиванием человеческого тела с другими биологическими видами и элементами машин. Картина не была бы завершённой, если бы аналогичной мутации не подверглось бы знаменитое *cogito ergo sum* – главный проводник голоса *Империи*, инструмент трансляции её установок. Наркотические практики, уход в виртуальную реальность и другие методы, «расцепляющие» индивидуальное сознание и превращающие его во множественные, часто сменяющие друг друга «дивидуальности», являются оружием «революционного подполья», поскольку в постмодернистской парадигме покинуть пространство *Империи*, стать недостижимым для её воздействия является первым шагом к победе (Хардт, Негри, 2004, 2006).

Таким образом, *homo mobilis* следует воспринимать как человека, «пришедшего в движение» (*person on the move*) (Cresswell, 2011) с помощью доступного для его уровня развития технологических подручных средств. В настоящем исследовании под *homo mobilis* понимается вполне конкретный антропологический тип, рождаемый в транзите от модернистской парадигмы к постмодернистской. Он является неотъемлемым элементом «мобильной системы», а не самостоятельным субъектом, действующим по своей воле, потому может быть «схвачен» только в совокупности с другими её элементами. При поверхностном рассмотрении внешних проявлений может показаться, что ипостась *homo mobilis* в данном прочтении – предмет причудливой игры воображения. Однако заданный парадигмальный подход в совокупности с использованием научного багажа «школы мобильностей» наглядно демонстрирует, на наш взгляд, что за формированием этой новой модели антропологии стоят вполне онтологически нагруженные аргументы.

Заключение

Итак, проведенный нами парадигмальный анализ показал, что за кризисом гуманизма, с которым мы явственно сталкиваемся в современном мире, стоит фундаментальное разочарование в способностях *метанарратива Модерна* вести принципиальную смысловую борьбу за освобождение *homo individualis* от гнёта различных коллективных идентичностей. Данное разочарование привело к тому, что на смену уже устаревшим большим *нарративам* был призван прийти новый, который может стать источником немалой опасности для выживания человека как вида, поскольку собирается завершить начатое предшественниками дело

по развоплощению коллективных идентичностей в поисках своеобразного неделимого ядра.

Новый антропологический проект получил название *homo dividualis*, и его актуальная повестка заключается преимущественно в атаке на гендерную коллективную идентичность как «порабощающую» человека инстанцию, т. е. ему свойственно привести современного человека к убеждённости в том, что гендер является предметом «свободного выбора», а не некой предписанной данностью. Искомая опциональность гендера должна поддерживаться в практиках смены пола, что осуществляются как в рамках хирургических операций, так и за счёт смены моделей социального позиционирования, при этом множественность и повторяемость данных практик полностью отвечает запросам ризоматической структуры, по образу и подобию которой строится постмодернистская парадигма.

Вторая модель антропологического проекта постмодерна имеет название *homo mobilis*, её построение стало возможным благодаря использованию дополнительной оптики нашего исследования – сложносочинённого феномена «мобильных систем». Этот взгляд существенно дополнил картину антропологии будущего, поскольку помог нам преодолеть ограничения привязки к «субъекту», чем чревато любое антропологическое исследование. В условиях транзита к постмодерну «субъектность» просто размывается, поэтому новая ризоматическая антропология исчисляется уже в смешанных категориях мобильности, её инфраструктуры и множественных процессов. Главной актуальной повесткой проекта *homo mobilis* является «антропологический исход», понимаемый как сопротивление плану *Империи* через изменение собственного тела (биомеханоид, человек-киборг) и уход в виртуальную реальность, развоплощение *homo individualis* на множественные дубликаты и тени, существующие в пространстве сети Интернет.

Список литературы

1. Адорно, Т. (1996). *Негативная диалектика*. М.: Научный мир.
2. Аттали, Ж. (1993). *На пороге нового тысячелетия*. М.: Международные отношения.
3. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер.
4. Волков, В.Н. (2015). Постмодерн: недоверие к метанарративам. *Культурное наследие России*, 2, 3–11. Взято 1 октября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam>
5. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель.
6. Дугин, А.Г. (2009). *Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли*. М.: Евразийское движение.
7. Кондрашов, П. (2019). *Философия Карла Маркса. Экзистенциально-антропологические аспекты*. М.: ЛЕНАНД.
8. Лиотар, Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М., СПб.: Алетейя.
9. Моисеенко, Я.Ю. (2016). Феноменология мобильности: методологический аспект. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(23), 34–42.
10. Моисеенко, Я.Ю. (2019). Мобильный поворот в современной

политической философии: методологические горизонты. В О. Ф. Русакова (Ред.), *Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сборник научных трудов по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции* (с. 104–122). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». doi: 10.17506/articles.mobility.2018.104122

11. Негри, А., Хардт, М. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
12. Негри, А., Хардт, М. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
13. Урри, Дж. (2012). *Мобильности*. М.: Праксис.
14. Фуко, М. (2004). *История удовольствий. История сексуальности* (Т. 2). М.: Академический проект.
15. Фукуяма, Ф. (2007). *Великий разрыв*. М.: АСТ.
16. Фукуяма, Ф. (2008). *Конец истории. Последний человек*. М.: АСТ.
17. Харауэй, Д. (2017). *Манифест киборгов. Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х*. М.: Ad Marginem.
18. Cresswell, T. (2011). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group.
19. Kaufmann, V. (2002). *Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate publishing.
20. Olsthoorn, J. (2020). Leviathan Inc.: Hobbes on the nature and person of the state. *History of European Ideas*. doi: 10.1080/01916599.2020.1779466
21. Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. NY: Crown business.
22. Sheller, M., & Urry, J. (2006). The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(2), 207–226. doi: 10.1068/a37268
23. Urry, J. (2000). *Sociology beyond the society: Mobilities for the 21-st century*. London & New York: Routledge.

References

1. Adorno, T. (1996). *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. М.: Nauchnyj mir.
2. Attali, Zh. (1993). *Na poroge novogo tysyacheletiya* [On the threshold of a new millennium]. М.: Mezhdunarodnye ontosheniya.
3. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. SPb.: Piter.
4. Cresswell, T. (2011). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. Routledge: Taylor & Francis Group.
5. Delyoz, Zh., & Gvattari, F. (2010). *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, М.: Astrel'.
6. Dugin, A.G. (2009). *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought]. М.: Evrazijskoe dvizhenie.
7. Фуко, М. (2004). *Istoriya udovol'stvij. Istoriya seksual'nosti* [History of pleasure. History of sexuality] (Vol. 2). М.: Akademicheskij projekt.
8. Fukuyama, F. (2007). *Velikij razryv* [The Great Disruption]. М.: АСТ.
9. Fukuyama, F. (2008). *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history]

and the last man]. M.: AST.

10. Haraue'j, D. (2017). *Manifest kiborgov. Nauka, tehnologiya i socialisticheskiy feminizm 1980-h* [A cyborg manifesto. Science, technology and socialist feminism in the late twentieth century]. M.: Ad Marginem.

11. Kaufmann, V. (2002). *Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate publishing.

12. Kondrashov, P. (2019). *Filosofiya Karla Marksa. E'kzistencial'no-antropologicheskie aspekty* [Existential and anthropological aspects of Karl Marx's philosophy] M.: LENAND.

13. Liotar, F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. M., SPb.: Aletejya.

14. Moiseenko, Ya. Yu. (2016). Fenomenologiya mobil'nosti: metodologicheskij aspekt [The phenomenology of mobility: methodological aspect]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(23), 34–42.

15. Moiseenko, Ya. Yu. (2019). Mobil'nyj povorot v sovremennoj politicheskoy filosofii: metodologicheskie gorizonty [Mobility turn in modern political philosophy: new methodological horizons]. In O.F. Rusakova (Ed.), *Mobility as a Soft Power Dimension: Theory, Practice, Discourse: Proceedings of the First All-Russian Scientific and Practical Youth Conference* (pp. 104–122). Ekaterinburg: Publishing House "Discourse-P". doi: 10.17506/articles.mobility.2018.104122

16. Negri, A., & Hardt, M. (2004). *Imperiya* [Empire]. M.: Praxis.

17. Negri, A., & Hardt, M. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'pohu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. M.: Kul'turnaya revolyuciya.

18. Olsthoorn, J. (2020). Leviathan Inc.: Hobbes on the nature and person of the state. *History of European Ideas*. doi: 10.1080/01916599.2020.1779466

19. Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. NY: Crown business.

20. Sheller, M., & Urry, J. (2006). The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(2), 207–226. doi: 10.1068/a37268

21. Urri, Dzh. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities]. M.: Praxis.

22. Urry, J. (2000). *Sociology beyond the society: Mobilities for the 21-st century*. London & New York: Routledge.

23. Volkov, V.N. (2015). Postmodern: nedoverie k metanarrativam [Postmodernity: distrust by metanarratives]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2, 3–11. Retrieved October 1, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-nedoverie-k-metanarrativam>